

Ткаченко Роман Вячеславович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры исторических, философских
и социальных наук
Севастопольского государственного университета

ПРОБЛЕМА ТРАНСГРЕССИИ В ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Аннотация:

В статье рассматривается происхождение феномена трансгрессии, а также анализируется философское и эстетическое значение трансгрессии в контексте постмодернистской парадигмы. При исследовании вариативности интерпретаций и проявлений трансгрессивного подхода автор приходит к выводу об определенной методологической ценности трансгрессии как средства преодоления бинарных оппозиций.

Ключевые слова:

трансгрессия, постмодернизм, бинарность, дискурс, смерть субъекта, деконструкция, парадигма, эпистема, дискурсивные практики.

Tkachenko Roman Vyacheslavovich

PhD (Philosophy),
Assistant Professor, History, Philosophy
and Social Sciences Department,
Sevastopol State University

THE PROBLEM OF TRANSGRESSION IN THE POSTMODERNIST PHILOSOPHY

Summary:

The article discusses the origins of the phenomenon of transgression, as well as analyzes the philosophical and aesthetic value of the transgression in the context of postmodern paradigm. Studying the variability of interpretations and manifestations of the transgression approach, the author comes to the conclusion that the transgression has a certain methodological value as a means of overcoming the binary oppositions.

Keywords:

transgression, postmodernism, binary, discourse, death of a subject, deconstruction, paradigms, episteme, discursive practices.

Трансгрессия выступает в качестве одного из ключевых понятий философии постмодернизма, который фиксирует феномен перехода непреодолимой границы, прежде всего границы между возможным и невозможным. Стоит отметить, что проблематика выхода за пределы устоявшихся представлений, заданной схематики в том или ином виде периодически возникала в истории философской мысли (здесь уместно вспомнить и апофатику Псевдо-Дионисия Ареопагита, и рассуждения о трансцендентно-имманентной сущности Бога в философии С.Н. Булгакова и др.). Но проблема трансгрессии в постмодернизме приобрела некий характер манифеста, эпатажного стремления к отходу от устоявшейся философской методологии. «При знакомстве с этим постмодернистским концептом создается впечатление, что трансгрессивное как таковое по своей природе требует скандала, живет в насыщенной экзальтацией атмосфере эпатажа, стихии, бунта, мятежа и преступления» [1, с. 3].

Понимание сути трансгрессии вариативно. Так, Морис Бланшо интерпретировал трансгрессию как «движение оспаривания, пронизывающее всю историю и завершающее себя в потустороннем» [2, с. 67]. Согласно концепции трансгрессии, мир, очерчивая сферу известного и возможного, замыкает человека в неких границах, в рамках предустановленных схем и лишает его какой-либо перспективы новизны. В этом смысле трансгрессия понимается как некий прорыв за установленные пределы. Мотивы трансгрессии можно обнаружить в произведениях Антонена Арто, Раймона Русселя, Жоржа Батая и других.

Проявления трансгрессивного подхода возможны как в философской сфере, так и в области эстетики и психологии. Так, Жорж Батай в своем ретроспективном исследовании культурно-религиозной традиции, проведенном в работе «Теория религии», обращается к анализу такого психологического феномена, как религиозный экстаз. В его интерпретации религиозный экстаз рассматривается в качестве трансгрессивного выхода индивидуума за границы повседневной обыденности, общепринятой нормы. Именно в данном действии исчезает предустановленная бинарность между нормальным и ненормальным, между посюсторонним и потусторонним, между трансцендентным и имманентным. Батай описывает данный переход как выход за пределы устоявшейся дуалистичности, как стирание неких привычных границ. Кроме того, трансгрессивный акт несет в себе и определенные гносеологические изменения в восприятии мира. Перемена в мировосприятии происходит в момент пересечения некоего рубежа: в момент внезапного полета мысли, когда за пределами чувственного открывается сфера умопостигаемого. «Интеллект или концепт, рассматриваемый как вневременная категория, определяется как некий наивысший порядок, в подчинении которому пребывает мир вещей, точно так, как он некогда подчинялся мифическим богам. Стало быть, умопостигаемый мир уподобляется миру божественному» [3, с. 74].

В трансгрессии исчезает антагонизм ранее дифференцированных и противопоставляемых элементов. Характерно, что Батай применяет данный подход и для рассмотрения религиозной символики и порождаемых ею переживаний мира и собственного я. «Христианская медитация перед крестом уже не отбрасывалась как бы из простой враждебности, а принималась с враждебностью полной. И тем самым она должна и может переживаться в качестве смерти я, с порывом слепого безумия, которое только и получает доступ к страсти чистого императива» [4, с. 107].

Новые горизонты, новые состояния, открываемые в результате трансгрессивного порыва, обладают определенной уникальностью, так как не являются вытекающими из обыденности и не выступают как очевидное следствие устоявшихся схем. Критерий новизны в данном случае характеризуется отрицательным отношением ко всему предшествующему: открываемый благодаря акту трансгрессии новый горизонт понимания или осознания характеризуется как некая возможность, появляющаяся после осуществления всех потенциальных возможностей, которая элиминирует все предыдущие состояния. Трансгрессию можно определить как переход грани возможного, потенциального. Именно данное состояние лишает объекты привнесенной кажимости. «Выбор между противоположными представлениями должен быть связан с невысказанным решением проблемы *того, что существует: что существует* в качестве глубинного существования, освобожденного от форм *кажимости?*» [5, с. 102].

Помимо религиозного экстаза и деконструкции картин обыденного, сферой анализа в философии постмодернизма выступает идея смерти, также понимаемая в качестве трансгрессивного перехода. Так, феномен смерти интерпретируется Батаем в качестве процесса освобождения истинного я от внешней привнесенности. «Смерть, освобождающая меня от убивающего меня мира, уже заключила этот реальный мир в ирреальности я, которое умирает» [6, с. 110]. Однако и здесь прослеживается трансгрессивный переход в сферу, лежащую вне привычной онтологии, устоявшихся форм понимания и интерпретации жизни и смерти, за грань экзистенции. «В откровении свободной божественной природы настойчивая обращенность жадности к жизни в направлении смерти... появляется уже не как потребность в уничтожении, а как чистая жадность бытия...» [7, с. 105].

В качестве общей специфики для всех форм трансгрессии выступает ситуация запрета. Именно в данной ситуации некий установленный предел интерпретируется в качестве непроходимого в силу предустановленной табуированности в той либо иной культурной традиции. В вышеизложенном контексте Батай в качестве трансгрессивной модели формулирует ситуацию праздника. Именно в момент праздника общепринятость и недозволенность взаимно проникают друг в друга.

Также областью, в которой прослеживаются трансгрессивные мотивы, выступает характерная для постмодернизма концепция «смерти субъекта». Смерть субъекта интерпретируется философией постмодернизма в качестве амбивалентной тенденции размывания субъектно-объектной оппозиции с целью преодоления бинарной традиции в философском понимании мира. Данная тенденция вполне укладывается в постмодернистскую программу преодоления бинарности, в которой проступает отказ постмодернистской философии от презумпции субъекта в любых его версиях [8, с. 819–820]. Концепция «смерти субъекта» означает прежде всего окончание всего традиционного, централизованного и линейно детерминированного со стороны признанного социального порядка (человек как субъект социума, сублимирующий человек, человек как субъект экономических отношений и пр.). В постпостклассике, по мнению некоторых философов (например, М. Фуко), использование термина «субъект» вообще выступает лишь в качестве данности устоявшейся философской традиции.

В постмодернистской философии рациональный субъект декартовского типа (так же, как и сублимирующий субъект фрейдизма), сменяются децентрированным персонажем, служащим для репрезентации культурных смыслов. Человек растворяется в детерминационном воздействии языковых структур и дискурсивных практик на индивидуальное и коллективное сознание. Все это вызывает парадигмальные изменения в восприятии и оценке такого, казалось бы, привычного понятия, как субъект. Так, Мишель Фуко делает субъекта зависимым от метаморфоз дискурсивных практик и моделей гносеологического восприятия (эпистем). «Фуко анализирует не идеи, не поведение людей, а проблематизации в историческом поле, переход от одного фрагмента работы к другому» [9, с. 101]. Ролан Барт в «Нулевой степени письма» выводит в качестве доминирующей проблематику текста, ставя антропологические и социальные аспекты в зависимость от языковых и текстовых конструкций: «В любом случае получается, что, пользуясь языком, мы обречены «разыгрывать» собственные эмоции на языковой сцене: в известном смысле можно сказать, что не человек пользуется языком, а язык пользуется человеком» [10, с. 26].

Подобная позиция повлияла и на эстетические аспекты понимания сущности субъекта в парадигме постпостклассики. Так, многоаспектное проявление проблемы человека в ткани художественного произведения преобразовалось, в частности, в феномен телесности. Данный феномен сформировался в качестве своеобразной антитезы понятию духовности, которое в своем традиционном смысле было практически исключено из постклассического эстетического дискурса XX в.

Метаморфозы эстетических принципов неминуемо повлекли за собой и переосмысление (а также и видоизменение) значения роли субъекта в том или ином произведении. Видный литератор и теоретик «нового романа» А. Роб-Грийе не раз указывал о смерти такого «устаревшего понятия», как «персонаж» в классическом смысле этого слова. Смещение повествования в «новом романе» в сторону детализации описания, акцент на дескриптивных моментах, преобразовывает персонаж в некое воспринимающее начало, замещает разнородные антропологические аспекты перцепцией. «В наших книгах (*в произведениях представителей «нового романа»*) не было «персонажей» в традиционном смысле слова... Объекты в наших романах никогда не являются вне человеческого восприятия – реального или воображаемого» [11, с. 462].

С точки зрения деконструктивизма Ж. Деррида, человек, как интерпретирующее начало, само соткано из культурных универсалий, дискурсивных матриц и культурных кодов. То есть понимающее я само растворяется в процессуальности дискурсивных практик, обусловленных установленными конвенциями культурной традиции.

Помимо изменения и деконструкции проблемы субъекта, трансгрессия в рамках постмодернизма находит проявление и в факте перехода установленных границ научных исследований, сосредоточивая внимание на таких феноменах, как безумие, атипичные проявления сексуальности, философско-психологические особенности пенитенциарной системы. Данный подход, направленный на преодоление устоявшихся демаркационных границ философских исследований, особенно ярко проявился в творчестве Мишеля Фуко.

Фуко в своем подходе выступает в качестве метатеоретика идеи трансгрессии, которая, по его мнению, должна выступать в роли краеугольного камня новой философской (и культурной) парадигмы. Подобно тому, как в свое время понятие «противоречие» выступило фундаментом диалектического мышления, так и трансгрессия должна выступить основой для нового мышления. Фуко трактует трансгрессию именно как «жест, который обращен на предел; там, на тончайшем изломе линии, мелькает облик ее прохождения... Возможно даже, что та черта, которую она пересекает, образует все ее пространство» [12, с. 88]. В данном контексте философская трансгрессия приоткрывает отношение конечности к бытию. Это предел понимания, к которому пытались приблизиться антропологическая (и гносеологическая) мысль со времен «Критики чистого разума» Канта.

В завершение хотелось бы отметить, что трансгрессивный переход порождает область недостоверности, в которой набор устоявшихся познавательных матриц и схем утрачивает свою функциональность. В подобном положении познавательные эпистемы зачастую оказываются несостоятельными. В ситуации отсутствия детерминирующей парадигмы мышления субъект не способен рационально интерпретировать новую ситуацию, так как переход наличного бытия в некое радикально новое и принципиально непредсказуемое состояние не имеет аналогий.

Ссылки:

1. Разинов Ю.А. С улыбкой авгура, или Трансгрессия под маской // *Mixtura verborum 2002: По следам человека*. Самара, 2002.
2. Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994.
3. Батай Ж. Теория религии. Литература и зло. Минск, 2000.
4. Батай Ж. Жертвоприношения // *Locus Solus: Антология литературного авангарда XX века*. СПб., 2000.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск, 2001.
9. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. М., 2000.
10. Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008.
11. Роб-Грийе А. Новый роман, новый человек // *Дом свиданий: романы, рассказы*. СПб., 2000.
12. Грицанов А.А., Абушенко В.Л. Мишель Фуко. Минск, 2008.

References:

1. Razinov, YA 2002, 'With a smile, augur, or a transgression in the guise', *Mixtura verborum 2002: In the wake of man*, Samara,.
2. *Tanatografiya eros: Georges Bataille and the French idea of middle of XX century* 1994, SPb.
3. Batay, J 2000, *Theory of religion. Literature and evil*, Minsk.

4. Batay, J 2000, 'Sacrifice', *Locus Solus: Anthology of literary avant-garde XX century*, SPb.
5. Batay, J 2000, 'Sacrifice', *Locus Solus: Anthology of literary avant-garde XX century*, SPb.
6. Batay, J 2000, 'Sacrifice', *Locus Solus: Anthology of literary avant-garde XX century*, SPb.
7. Batay, J 2000, 'Sacrifice', *Locus Solus: Anthology of literary avant-garde XX century*, SPb.
8. *Postmodernism. Encyclopedia* 2001, Minsk.
9. Kanke, VA 2000, *Main philosophical trends and concepts of science. Results of the XX century*, Moscow.
10. Bart, R 2008, *Zero degree of writing*, Moscow.
11. Robbe-Griie, A 2000, 'New novel, a new person', *Home visits: novels, short stories*, SPb.
12. Gritsanov, AA & Abushenko, VL 2008, *Michel Foucault*, Minsk.